

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_9

Гуманитарная политика Турции в период пандемии коронавируса: общее и частное

М. А. Колесникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

kolmaral-1710@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются идеологические детерминанты и изучаются основные механизмы реализации гуманитарной политики Турции в последние три года. Несмотря на объективные трудности, связанные с пандемией COVID-19, Турция смогла упрочить свое влияние на международной арене, утвердившись на лидерских позициях в качестве донора гуманитарной помощи.

Ключевые слова: Турция, гуманитарная политика, ОПР, пандемия, ТИКА, коронавирус, Р.Т. Эрдоган

Для цитирования: Колесникова М. А. Гуманитарная политика Турции в период пандемии коронавируса: общее и частное // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 9–13. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_9

Original article

Turkey's Humanitarian Policy During the Coronavirus Pandemic: Universals and Particulars

Maria A. Kolesnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

kolmaral-1710@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of ideological determinants and the study of the main mechanisms of the implementation of Turkey's humanitarian policy in the last three years. Despite the objective difficulties associated with the COVID-19 pandemic, Turkey has been able to strengthen its influence on the international arena, gaining a leading position as the humanitarian aid donor.

Key words: Turkey, humanitarian policy, ODA, pandemic, TIKA, coronavirus, R.T. Erdogan

For citation: Kolesnikova, M. A. (2023). Turkey's humanitarian policy during the coronavirus pandemic: universals and particulars. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 9–13. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_9

ВВЕДЕНИЕ

Крушение биполярной системы предоставило Турции определенную возможность для маневра, подразумевающую одновременно сохранение своего незыблемого членства в НАТО и практическое воплощение элементов самостоятельной многовекторной и прагматичной политики. Приход в Турции к власти в 2002 году Партии справедливости и развития (ПСР) предопределил начало трансформации политического курса страны, что впоследствии отразилось практически на всех направлениях внутренней и внешней политики Турции. Произошедшие изменения проявились в отходе от парадигм идеологии кемализма, прежде всего, от принципа светскости и в закреплении постулатов «умеренного исламизма», ориентированного на дальнейшую исламизацию общества. Усиление исламской составляющей дало возможность турецкому руководству эффективно использовать религиозную карту для решения своих геополитических задач. Отличительной чертой внешнеполитической стратегии стало сочетание идей рыночной экономики и процесса демократизации с идеалами ислама. Одним из положений внешнеполитического дискурса стали элементы неоосманистской идеологии, призванные подтвердить статус Турции в качестве глобального игрока в регионе. Наконец, в риторике и на практике на первый план вышла гуманитарная составляющая, представляемая турецким истеблишментом как «козырная карта» дипломатии Анкары.

Гуманитарное измерение турецкой внешней политики по-прежнему остается в фокусе самого пристального внимания отечественных и зарубежных экспертов. Превратив страну за последние несколько лет из получателя в одного из крупнейших мировых доноров гуманитарной помощи, турецкое руководство активно продвигает тезис о своей «особой модели» официальной помощи развитию (ОПР) и гуманитарном аспекте как детерминанте своей политики на международной арене. Пандемия коронавируса послужила новым «окном возможностей» для закрепления лидирующих позиций Анкары в гуманитарной области на региональном и глобальном уровнях.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

Закрепление идеи о гуманитарной помощи как о неотъемлемой части публичной дипломатии датируется первой половиной 2000-х годов и связывается с утверждением во власти представителей

новой турецкой политической элиты – членов ПСР [Altunisik, 2019]. Основными постулатами «гуманитарно ориентированной политики» становятся ответственность за судьбу простых людей; честный, открытый, равноправный диалог и бескорыстная помощь; неравнодушие к проблемам нуждающихся («Турция – символ свободы в сердцах всех угнетенных»); противодействие экспансии неокOLONIALИЗМА («Турция – не самая богатая, но самая щедрая», «Турция – рука совести в мире»).

На сайте турецкого МИДа отмечается, что «турецкий народ имеет сильные традиции оказания гуманитарной помощи, вытекающие из его истории и культуры. В связи с этим Турция считает оказание помощи странам, переживающим трудные времена из-за стихийных бедствий, войн, бедности и социальных конфликтов, гуманитарным долгом и важным элементом в достижении стабильного международного сообщества» [Turkish Emergency ... 2022]. В данном случае обращает на себя внимание не только ссылка на исторические и культурные традиции, но и такое понимание гуманитарной помощи, которое фактически ставит знак равенства между этой помощью и ОПР [Шерстюков, 2022].

Воплощение нового гуманитарного политического курса подтверждается статистическими данными. Начиная с 2004 года Турция последовательно увеличивала свой вклад в оказание международной гуманитарной помощи. К 2013 году затраты по данной статье расходов возросли почти в 16 раз (с 190,1 млн долл. США до 3 млрд долл. США). С 2013 по 2015 годы Турция занимала в глобальном рейтинге самых «щедрых стран» мира (по данным британской организации Development Initiatives и отчетам ОЭСР) третье место, в 2016, 2020 и 2021 годы – второе, с 2017 по 2019 годы – первое (Anadolu Agency. 27.07.2022). Последние два года Анкара сохраняет лидирующие позиции в списке стран по соотношению объема оказанной гумпомощи к ВВП (5,6 млрд долл. США). При этом уточняется, что в расчет не принимались показатели гумпомощи, предоставленной Турцией сирийским беженцам. В то же время следует учитывать, что реальные цифры, отражающие истинные масштабы поставок, определить достаточно затруднительно, в первую очередь, из-за вовлеченности в данный процесс большого количества субъектов, бюджеты которых не всегда прозрачны [Gungor, 2021].

Хотя география поставок турецкой гуманитарной помощи в последнее десятилетие распространилась далеко за пределы границ не только соседних с Турцией стран, но и регионов с преимущественно мусульманским населением, структура

расходов подтверждает, что определенные тенденции в выборе ключевых партнеров сохраняются. Основной движущей силой гуманитарной политики Турции остается комплекс факторов, в числе которых внутри- и внешнеполитические амбиции правящей элиты, вопросы безопасности, экономические стимулы, стремление к продвижению исламских ценностей. Многие исследования, основанные на количественном анализе ОПР Турции, демонстрируют, что приоритеты Анкары в выборе стран-получателей гуманитарной помощи по-прежнему в значительной степени обусловлены историческими, этническими и религиозными связями с адресатами. Значимым также является уровень торговых отношений с ними: наблюдается закономерная взаимозависимость между количественными показателями объема оказываемой помощи и экспорта турецкого бизнеса в страну-реципиент.

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И «ПРОВОДНИКИ» ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ЭПОХУ КОРОНАВИРУСА

Пандемия коронавируса стала для Турции, как и для многих других эпицентров распространения COVID-19 на евразийском континенте, настоящим вызовом национальной социально-экономической системе. Пиковые цифры заболеваемости в активной фазе достигали 1,3 млн человек (прирост – порядка 30 000 инфицированных в сутки). Показатели инфляции демонстрировали стремительный рост от 17 % до 70 % в годовом исчислении [Агаев, 2020]. Вместе с тем новые реалии международной эпидемиологической обстановки были использованы турецким руководством как возможность для продвижения и повышения своего авторитета на международной арене за счет наращивания гуманитарной активности.

Уже в первые месяцы пандемии, продолжая следовать декларируемому принципу «всеохватности», Турция стала планомерно расширять географию стран-реципиентов своей гуманитарной помощи. К концу 2020 года в этом списке значилось 80 государств, к 2022 году количество возросло вдвое. При этом характер оказываемой помощи достаточно разнообразен: от прямого финансирования и снабжения медицинскими препаратами, экипировкой, оборудованием до кадровой переподготовки, оказания продовольственной помощи, запуска образовательных программ по производству средств индивидуальной защиты.

В Турецкой Республике Северного Кипра (ТРСК) и Албании были открыты два госпиталя, предназначенные для размещения ковидных больных. В 11 стран осуществлялась поставка вакцин (преимущественно китайского производства – «КоронаВак», «Синофарм»); их получали Босния и Герцеговина, Киргизия, Ливия, Молдова, Северная Македония, Сенегал, ТРСК, Тунис, Туркменистан, Узбекистан, Черногория. За счет пожертвований также были направлены несколько партий вакцин в Албанию, Грузию, Косово, Лесото, Мавританию, Мадагаскар, Мальдивы, Монголию, Намибию, Непал, Палестину. Продолжаются переговоры о признании отечественного препарата – «Турковак» – в 50 государствах мира (*Daily Sabah*. 05.01.2022).

Значительный вклад в осуществление оперативных поставок гуманитарной помощи в разные уголки мира внес главный авиаперевозчик страны «Турецкие авиалинии», который на протяжении практического всего пандемийного периода оставался единственным стабильно функционирующим звеном в мировой транспортной системе.

Турция также содействовала решению вопросов, связанных с оказанием гуманитарной помощи в рамках международных и региональных организаций и интеграционных объединений. В их числе: ВОЗ, Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, ЮНИСЕФ, Всемирный банк, НАТО, ОБСЕ, Африканский союз, Исламский банк развития, Карибское сообщество и др.

Основными государственными «проводниками» гуманитарной политики Турции выступают Министерство здравоохранения, Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел. В марте 2020 года в качестве институционального механизма, экстренно реагирующего на чрезвычайные проблемы, связанные с распространением коронавируса, был создан Центр координации и поддержки Министерства иностранных дел.

На неправительственном поле ключевая роль традиционно принадлежит Турецкому агентству по координации и развитию (турецкая аббревиатура – ТІКА). Создававшееся в 1990-е годы как инструмент турецкой «мягкой» силы в тюркских республиках постсоветского пространства, в настоящее время ТІКА осуществляет работу практически во всех уголках мира и имеет официальные представительства более чем в 60 странах – от Средней Азии до Балкан, от Африки до Латинской Америки и Южной Азии. Отличительной чертой ТІКА является то, что оно выступает в качестве связующего звена в триаде «государство – бизнес – гражданское общество». Будучи проводником государственной политики, ТІКА

активно привлекает к реализации своих проектов представителей крупного предпринимательства, а также взаимодействует с различными НПО, организуя масштабные пиар-акции, нацеленные на привлечение внимания обычных граждан к проблемам гуманитарного характера. Такая устойчивая трехсторонняя связь, которая расценивается как неотъемлемый элемент демократического государства, служит козырем в руках турецких политических лидеров, желающих интерпретировать в свою пользу тематику «демократических прав и свобод», в первую очередь, в геополитической игре с евроатлантическими партнерами [Колесникова, 2019].

Значительный вклад также вносит Управление по делам религии (Diyanet). Данная структура, обладая значительным финансовым потенциалом и организационными возможностями, оказывает помощь нуждающимся мусульманам в 149 странах мира. Участвует в направлении и распределении гуманитарных грузов, организации религиозных праздников, оказании материальной и духовной поддержки в зонах конфликтов и бедствий.

В числе других крупных игроков – «Турецкий красный полумесяц», «Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гуманитарный компонент внешней политики Турции становится всё более значимым механизмом по упрочению влияния Республики в мусульманском мире и на международной арене в целом. В период правления ПСР именно «гуманитаризм» стал основой новой турецкой внешнеполитической стратегии, нацеленной на преобразование складывающегося постбиполярного международного порядка.

С началом пандемии коронавируса Анкара, несмотря на борьбу с новым типом инфекции в пределах своих государственных границ, смогла в сжатые сроки мобилизовать национальные усилия для реализации шагов по самоутверждению в качестве одного из глобальных гуманитарных акторов. В то же время ее гуманитарная политика сталкивается с рядом сдерживающих факторов. В среднесрочной перспективе – нарастание авторитарных тенденций внутри страны, накопившиеся проблемы в экономике и усиливающаяся поляризация турецкого общества могут в определенной степени «пошатнуть» наработанные за последние годы успехи и, как следствие, оказать негативное влияние на эффективность гуманитарной политики Турции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Altunisik M. B. Turkey's Humanitarian Diplomacy: The AKP Model // CMI Brief. 2019, September. URL: <https://www.cmi.no/publications/6973-turkeys-humanitarian-diplomacy-the-akp-model>
2. Turkish Emergency Humanitarian Assistance // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. 2022. URL: <http://www.mfa.gov.tr/humanitarian-assistance-by-turkey.en.mfa>
3. Шерстюков С. А. Гуманитарная политика Турции: изменение концептов, масштабов и целей // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 6. Т. 66. С. 102–111.
4. Gungor B. Foreign aid during the COVID-19 pandemic evidence from Turkey // Geneva Graduate Institute. 2021. URL: <https://www.graduateinstitute.ch/library/publications-institute/foreign-aid-during-covid-19-pandemic-evidence-turkey>
5. Агаев М. Накопительный эффект: чем интересна «коронавирусная» дипломатия Турции // РСМД. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/nakopitelnyy-effekt-chem-interesna-koronavirusnaya-diplomatiya-turtsii/>
6. Колесникова М. А. ТИКА как основной инструмент турецкой «мягкой силы» в Африке: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина, Москва, 16–18 апреля 2019 г. М. : МГЛУ, С. 220–224.

REFERENCES

1. Altunisik, M. B. (2019, September). Turkey's Humanitarian Diplomacy: The AKP Model. CMI Brief. <https://www.cmi.no/publications/6973-turkeys-humanitarian-diplomacy-the-akp-model>
2. Turkish Emergency Humanitarian Assistance. (2022). Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. <http://www.mfa.gov.tr/humanitarian-assistance-by-turkey.en.mfa>
3. Sherstyukov, S. A. (2022). Gumanitarnaja politika Turcii: izmenenie konceptov, masshtabov i celej = Turkey's humanitarian policy: changing concepts, scale, and goals. World economy and international relations, 66(6), 102–111. (In Russ.)
4. Gungor, B. (2021). Foreign aid during the COVID-19 pandemic evidence from Turkey. Geneva Graduate Institute.

<https://www.graduateinstitute.ch/library/publications-institute/foreign-aid-during-covid-19-pandemic-evidence-turkey>

5. Agaev, M. (2020, June 4). Nakopitel'nyj jeffekt: chem interesna «koronavirusnaja» diplomatija Turcii = Cumulative effect: what is interesting about Turkey's «coronavirus» diplomacy. RSMD. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/nakopitelnyy-effekt-chem-interesna-koronavirusnaya-diplomatiya-turtsii/> (In Russ.)
6. Kolesnikova, M. A. (2019). TIKА kak osnovnoj instrument tureckoj «mjagkoj sily» v Afrike = TIKА as the main instrument of Turkish «soft power» in Africa. *Sovremennaya Rossiya v mirovom politicheskom processe: global'noe i regional'noe izmerenie* (pp. 220–224): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ О АВТОРЕ

Колесникова Мария Александровна

кандидат политических наук
доцент кафедры зарубежного регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria Aleksandrovna Kolesnikova

PhD (Political Sciences)
Associate Professor of the Department of Regional Studies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	16.01.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	06.02.2023	approved after reviewing
принята к публикации	06.03.2023	accepted for publication